

относить начало создания обобщённого Судного списка ко времени, далеко отстоящему от 1549 г. Ясен и замысел церковного Собора 1548–1549 гг. На нём главным вопросом оказалась правка переведённых Максимом Греком богослужебных книг, доказательство её еретического характера; но вина за неё целиком возлагалась на переписчиков, в частности на Исака Собаку. Сам же Максим Грек и на Соборах, и в сочинениях, написанных после них, неизменно утверждал, что обвинён несправедливо, ссылаясь на недостаточное знание русского языка, а вину за ошибки всецело возлагал на помощников и переписчиков. Текст Судного списка, активно акцентируя виновность Исака Собаки, тем самым косвенно, но достаточно недвусмысленно подтверждал правоту Максима Грека в его оправдательных объяснениях и заявлениях. Это было своеобразным началом его реабилитации, в основном завершившейся в период учреждения патриаршества. Она находилась в русле той своеобразной реабилитации, связанной с реализацией поминальных вкладов опальных и казнённых после Собора 1549 г., и была его «определённым политическим последствием»⁴².

Николай Никитин: Остаться — вопреки всем жизненным невзгодам — настоящим учёным и Человеком...

Nikolay Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): To remain — in spite of all the ills of life — a true scientist and man...

О существовании мемуаров Л.В. Черепнина я узнал ещё в начале 1990-х гг., став случайным свидетелем разговора между Н.А. Горской, возглавлявшей тогда наш Центр, и М.А. Рахматуллиным — заместителем главного редактора журнала «Отечественная история», заинтересовавшимся возможностью их издания. Как я понял, таковой тогда не было (даже сам факт существования этих мемуаров не рекомендовалось афишировать), что, конечно, не могло не огорчать, ибо интерес к столь масштабной личности, как Лев Владимирович Черепнин, не покидал меня ни при его жизни, ни после смерти. Но вот его мемуары наконец-то вышли. Надо ли говорить, с какой жадностью я прочитал их, сколько нового раскрыли передо мной воспоминания выдающегося историка. И прежде всего они позволили мне «дорисовать» тот его образ, который сложился в моём сознании ранее — при непосредственном общении с Львом Владимировичем в далёкие 1970-е гг.

Как известно, Л.В. Черепнин последние 25 лет жизни являлся бессменным руководителем сектора феодализма нашего Института. Теперь это Центр истории русского феодализма, и я — один из его сотрудников. Конечно, после Льва Владимировича в нашем подразделении произошло немало перемен. Дислокация его, правда, осталась прежней (в той же 46-й комнате на третьем этаже), и стены нашего Центра, стало быть, помнят Льва Владимировича и тех, кто работал под его руководством. Однако в самих этих стенах уже практически ничего не напоминает черепнинский сектор. После всякого рода ремонтов и реорганизаций из его разномастной мебели остался только несгораемый шкаф в дальнем углу, а из людей, работавших при Черепнине, в нынешнем Центре феодализма остался один я.

«Иных уж нет, а те далече...». Чувствовать себя «последним из могикан» бывает крайне некомфортно. Дело здесь даже не в часто возникающих

⁴² См. подробнее: *Назаров В.Д.* Февральский собор «примирения» 1549 г. и посмертные реабилитации // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009. С. 482–494.

ностальгических чувствах, а в том, что невольно испытываешь ответственность за память о Л.В. Черепнине и возглавляемом им коллективе, а она в последнее время всё больше нуждается в защите. Я имею в виду прежде всего нашумевшие мемуары одного из давно усопших сотрудников черепнинского сектора, представивших его как какой-то террариум (если не серпентарий)⁴³, а также воспоминания другого видного историка, недавно отметившего своё 100-летие, который тоже отозвался о Л.В. Черепнине не самым лучшим образом⁴⁴. Но порой приходится слышать и от молодых наших коллег весьма не лестные высказывания в адрес тех, кто работал в нашем секторе при Черепнине, да порой и в адрес самого Льва Владимировича. Раздаются упреки в догматизме, начётничестве, в идеологической заданности и ограниченности их работ, «тягостной атмосфере», якобы царившей тогда по этой причине в нашем коллективе.

Я — представитель самого младшего поколения современников Л.В. Черепнина и находился под его непосредственным руководством всего шесть с половиной лет, но полагаю, что имею основания заявить по поводу вышеприведённого «негатива»: неправда всё это. Да, коллектив у нас был большой, более 30 человек и, как следствие, сложный. Достаточно назвать фамилии лишь наиболее известных в 1970-е гг. сотрудников сектора: Н.А. Горская, Л.В. Данилова, Е.И. Дружинина, А.А. Зимин, Е.И. Индова, С.М. Каштанов, А.И. Клибанов, В.Д. Назаров, Г.А. Некрасов, Л.А. Никифоров, А.А. Преображенский, Л.Н. Пушкарёв, Н.В. Синицына, С.М. Троицкий, А.Л. Хорошкевич, А.И. Юхт. У каждого был свой, часто непростой, характер, свои взгляды на научные и житейские проблемы, порой сильно отличающиеся от взглядов других. Однако атмосфера в нашем коллективе была на редкость творческой и никак не соответствовала определению «зауряд-ведомство», которое дал ему в своих мемуарах А.А. Зимин⁴⁵.

Мне по сей день памятны заседания черепнинского сектора. Они обычно длились подолгу, поскольку носили отнюдь не формальный характер. Каждому из выступающих предоставлялась возможность полностью высказаться, причём не один раз, и выступления бывали столь интересны и содержательны, что, например, мне — аспиранту, а потом младшему научному сотруднику — они порой давали больше, чем недельные сидения в библиотеках. К тому же в те годы, помимо специальных приглашений докладчиков и рецензентов «со стороны», существовала практика письменных уведомлений о предстоящих заседаниях широкого круга заинтересованных лиц. Поэтому частыми гостями нашего сектора бывали известные историки как из подразделений Института, так и из других организаций.

Мне особенно памятны выступления В.А. Александрова, В.И. Буганова, Я.Е. Водарского, М.Я. Волкова, А.Д. Горского, В.И. Корецкого, Л.В. Милова, В.Т. Пашуто, Б.Ф. Поршнева, С.О. Шмидта, В.Л. Янина. Кроме того, на заседаниях часто присутствовали бывшие сотрудники сектора из числа пенсионеров: Н.Г. Аполлова, Е.И. Заозерская, Е.П. Подъяпольская и почти регулярно — Е.Н. Кушева. Это были «живые ниточки», связывающие нас с ушедшим поколением историков-«феодалов». Олицетворением этой связи являлась и Мария Михайловна Зайцева — бессменный секретарь сектора со времён его первого заведующего С.В. Бахрушина, рисунки и шаржи которого, сделанные во время

⁴³ Зимин А.А. Указ. соч.

⁴⁴ Павленко Н.И. Воспоминания историка. М., 2016.

⁴⁵ Зимин А.А. Указ. соч. С. 83.

заседаний, она хранила в своём рабочем столе. А можно ли забыть секторские застолья — по случаю Нового года или Девятого мая! В неформальной, дружеской обстановке известные, маститые учёные подчас раскрывались с самой неожиданной стороны, поражая коллег (особенно молодёжь) не только остроумием, эрудицией, но и поэтическим даром.

Что же касается следования «марксистским догмам» и прочих ограниченных идеологического характера, которыми нас теперь попрекают даже те, кто в своё время сам отдавал им немалую дань⁴⁶, то для абсолютного большинства сотрудников сектора феодализма в 1970-е гг. «догмы» эти уже приобрели не более чем декоративный, формальный характер, вроде затасканных, дежурных цитат «классиков». Их наличие в работах диктовалось тогда «правилами игры», но практически не влияло на научный уровень основной массы обсуждаемых и публикуемых трудов, не являлось серьёзным препятствием для выхода исследований, которые, благодаря своей фундированности, опоре на огромное количество источников и поныне не потеряли научного значения и, уверен, будут и далее служить базой для дальнейшей разработки рассматриваемых в них проблем и сюжетов (чего, кстати, далеко не всегда можно сказать о работах многих нынешних критиков советской историографии).

Академик С.П. Карпов в одном из своих интервью заметил: «Есть труды, написанные сто лет назад, и они востребованы больше каких-то современных. Потому что в них — надёжный фактический материал, притом — в хорошем изложении. Вы можете пренебречь несколькими процентами устаревших идейных конструкций, но воспринять главное, наработанный добротный фундамент»⁴⁷. Абсолютно верная мысль. Полагаю, что к такого рода трудам можно отнести работы и самого Л.В. Черепнина, и большинства сотрудников руководимого им коллектива.

Были среди них, конечно, и те, кто искренне и полностью разделял марксистскую концепцию, но у меня, при всей неприязни к её основоположникам, известным своей русофобией не поднимается рука бросить в таких исследователей камень. Последняя четверть века показала, что формационной теории исторического процесса пока нет достойной альтернативы. Не случайно же раздаются призывы к «разумному сочетанию цивилизационного и формационного подходов». А мне, никогда, в отличие от многих нынешних «ниспровергателей» марксизма, не состоявшему (и не пытавшемуся состоять) в КПСС, ближе слова моего учителя, А.А. Преображенского, выглядящие как его своеобразное завещание. «Сейчас в науке царит разброд в методологической области, — писал он в 2000 г. — Иные спешат похоронить теорию исторического материализма и смены социально-экономических формаций. Не отрицая свободы выбора тех или иных теоретических ориентиров, замечу, что возможности марксистско-ленинской методологии далеко не исчерпаны. При творческом, освобождённом от догматизма подходе этот метод ещё в состоянии послужить познанию исторического процесса»⁴⁸.

Л.В. Черепнин, безусловно, разделял основные положения формационной теории, хотя шёл к её органическому усвоению, как видно по его мемуарам и хорошо показано в приложенном к ним биографическом очерке В.Д. Назарова, весьма непростым путём. Крайне сложным, тяжёлым было и время, на

⁴⁶ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 120–121.

⁴⁷ Карпов С. В истории нет места дилетантам // Литературная газета. 2016. № 42.

⁴⁸ Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 310.

которое пришёлся пик творческой активности Льва Владимировича. Ему приходилось идти на компромиссы и поступаться какой-то частью своих принципов ради одной лишь возможности заниматься любимой работой. Вместе с тем, как верно подметил В.Д. Назаров, хотя темпераментом общественного борца Черепнин и не обладал, но он не раз проявлял примеры гражданского и профессионального мужества⁴⁹.

Критики Л.В. Черепнина склонны к полному игнорированию таких примеров, но порой позволяют себе ёрничанье по поводу последствий трёхлетнего пребывания Льва Владимировича в «местах не столь отдалённых»: оно, дескать, определило его лояльность власти предержавшим на всю оставшуюся жизнь. Ну это уж совсем некрасиво — особенно со стороны тех, кто хоть и называет себя и своих соратников «подранками Октября», но не испытал и тысячной доли того, что выпало на долю Л.В. Черепнина, остававшегося вопреки всем жизненным невзгодам настоящим учёным и Человеком...

Крупных, выдающихся, успешных учёных в руководимом Черепниным коллективе было немало, но Лев Владимирович, бесспорно, выделялся среди них. И не только, конечно, габаритами, своей весьма представительной фигурой, о чём теперь часто вспоминают те, кто видел его в последние годы жизни. Выделялся он прежде всего эрудицией и интеллектом. И чтобы понять это, даже не обязательно было читать его труды — достаточно было Льва Владимировича послушать.

Как виртуозно вёл секторские заседания Черепнин! Что бы мы ни обсуждали, он всегда был, что называется, «в теме», потому что обычно предварительно знакомился с обсуждаемыми работами или же просматривал их по ходу заседания, всегда умея уловить главное. И в конце обсуждения обязательно подводил его итоги. Этот жанр выступлений в последнее время уходит из нашей практики, а жаль... Помнится, после заключительного слова Льва Владимировича всё как-то сразу становилось ясно, понятно, всё оказывалось на своём месте, и главное — открывались перспективы дальнейшего исследования обсуждаемой темы. Особый дар Черепнина подводить итоги заседаниям отмечался многими его коллегами⁵⁰ и признаётся даже явными его недоброжелателями⁵¹.

В этих выступлениях ярче всего проявлялись две органично сочетающиеся у Льва Владимировича как у учёного и руководителя черты: с одной стороны — высокая требовательность к качеству работы и принципиальность, с другой — уважительное отношение ко всем, даже к самым молодым и «неостепенённым» сотрудникам, деликатность и доброжелательность. Её, впрочем, надо бы поставить на первое место. Я мало встречал в своей жизни столь добросердечных, столь благожелательно настроенных по отношению к коллегам людей, как Л.В. Черепнин, и эти его качества тоже не были обойдены вниманием современников⁵².

Однако Льва Владимировича нельзя было отнести к разряду людей, которых принято называть «добренькими». Он мог прервать и отменить заседание,

⁴⁹ Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука... С. 372–374, 377–378.

⁵⁰ См.: Дружинина Е.И. Л.В. Черепнин как человек // Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвящённый памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 7; Курмачева М.Д. Четверть века во главе сектора // Там же. С. 69–70; Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука... С. 383.

⁵¹ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 118.

⁵² Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 8; Пушкарёв Л.Н. Л.В. Черепнин — человек и учёный // Феодализм в России... С. 60–61.

если видел, что докладчик должным образом не подготовился (инцидент с одной из бывших аспиранток), воспринимая такое поведение как «неуважение к сектору». А содержащиеся в воспоминаниях Черепнина характеристики некоторых знакомых мне историков порой крайне негативны и резки (т. 1, с. 81, 175, 163). Не берусь судить об их обоснованности, но всё же замечу, что подобные оценки, как правило, совпадали с тем, что мне доводилось слышать о тех же персонах от других глубоко уважаемых представителей старшего поколения.

Отдельная тема – отношение Л.В. Черепнина к «плюрализму мнений» в науке. Хорошо известна его позиция при обсуждении рукописи книги А.А. Зимина о «Слове о полку Игореве». Не разделяя точку зрения автора на время его создания, Лев Владимирович, вопреки мнению большинства участников собрания, высказался за публикацию зиминской работы. Но, пожалуй, более показательным его выступление в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации И.Я. Фроянова. Их взгляды на генезис и природу феодализма на Руси были в корне различны, и разрабатываемая соискателем проблематика была для Черепнина несравнимо ближе затрагиваемой в связи со «Словом о полку Игореве», но Лев Владимирович, жёстко раскритиковав концепцию диссертанта, тем не менее, высказался за присуждение ему «искомой степени». Свобода творческого поиска была для Черепнина выше любых разногласий.

Нельзя обойти и такие черты характера Льва Владимировича, как скромность – удивительную для учёного такого масштаба и ранга, отсутствие даже намёка на тщеславие и, конечно же, глубокую порядочность. В этой связи крайне нелепыми выглядят по сей день муссируемые (и даже публикуемые⁵³) слухи о плагиате, якобы допущенном им при издании в 1944 г. учебного пособия по метрологии. Закулисные разговоры на данную тему, по признанию самого Льва Владимировича, доставили ему «много горя», и он не мог не коснуться их в своих мемуарах, убедительно показав абсолютную беспочвенность этих обвинений (т. 1, с. 162–163). И даже А.А. Зимин, при всей критичности своего отношения к Черепнину, версию о плагиате полностью отверг. «Это дикая чушь», – заявил он, лично сравнив работы Устюгова и Черепнина⁵⁴.

Авторитет Льва Владимировича в нашем коллективе был высочайшим, абсолютным. Вспоминается одна любопытная деталь. В секторской среде, конечно, порой возникали трения (на чём любят акцентировать внимание некоторые из наших бывших коллег), но вот что характерно: внутренние конфликты у нас обычно стремились улаживать так, чтобы не докучать, не досаждать Черепнину, не расстраивать его. Более того, как вспоминала Е.И. Дружинина, «судить и рядить о поведении другого сотрудника и тем более злословить» при Льве Владимировиче «никто не решался»⁵⁵.

Примечателен и такой эпизод из жизни нашего сектора, отмеченный Е.И. Дружининой. Всегда категорически возражающий против любых мероприятий в свою честь, Л.В. Черепнин наотрез отказался дать свою фотографию для посвящённого ему сборника статей. И сотрудники сектора прибегли к «спецоперации»: во время очередного заседания были незаметно сделаны несколько снимков, запечатлевших Льва Владимировича за его рабочим столом⁵⁶,

⁵³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 122, 125–126.

⁵⁴ Зимин А.А. Указ. соч. С. 85.

⁵⁵ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 8.

⁵⁶ Там же. С. 9.

благодаря чему его портрет украсил запланированный сборник. А теперь эти «подпольные» фотографии выполняют ещё одну функцию – очень удачно дополняют основной видеоряд, представленный в опубликованных мемуарах Льва Владимировича. Признаюсь: на меня эти снимки производят наибольшее впечатление. Они показывают Л.В. Черепнина в последние годы его жизни в стенах родного сектора, в непринуждённых, до боли знакомых позах и как будто снова переносят меня в атмосферу тех незабываемых лет.

Я бесконечно благодарен судьбе, предоставившей мне возможность какое-то время находиться рядом с Л.В. Черепниным, слушать его, представлять свои первые работы на его суд. И одну из задач, стоящих передо мной на нынешнем этапе своего жизненного пути, я вижу в том, чтобы донести до идущего нам на смену поколения историков подлинный образ Л.В. Черепнина – выдающегося учёного и светлого человека.

Я глубоко признателен всем, кто взял на себя труд издать мемуары Л.В. Черепнина, позволившие ещё раз вспомнить сделанное им, отдать ему дань уважения. И хочется надеяться, что работа по увековечиванию его памяти этим не ограничится.

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым